

Мила Тонбо¹

АРТУР ЛУРЬЕ. ФУТУРИСТ. ГЕРОЙ НЕ ОДНОГО РОМАНА

Есть люди, чья жизнь будто извилистая пёстрая лента на фактурном ковре, сотканном эпохой Серебряного века. Захочешь придумать — да не получится так, как было в реальной жизни. Пример тому — судьба человека, известного под именем Артур Лурье — музыканта, футуриста и едва ли не Казановы.

Как корабль назовёшь? Артур-Винсент-Перси Биши-Хосе Мария и, наконец, Лурье. Рождённый в России. Что это? Человек с фантазией? Внешний человек? Пижон? Такое имя взял себе этот господин в 1912 году после принятия католичества. Так эпатировать надо уметь: Артур — в честь Шопенгауэра; далее по списку — в честь Ван Гога; в честь Шелли, английского писателя и поэта; в честь кубинского поэта Эредиа... А если это не эпатаж? Постараемся разобраться.

Итак, Артур Сергеевич Лурье (настоящее имя — Наум Израилевич Лурья, или в некоторых источниках Лурия) известен, прежде всего, как яркий персонаж музыкального цеха футуристов и русского авангарда XX века. Родился в Санкт-Петербурге, как он «гордо» писал в своей биографии. Между тем это оказалось неправдой, как и многое другое в жизни этого странного человека, включая год его рождения (то ли 1891, то ли 1892?). Лурье в действительности родился в Могилёвской губернии, в местечке Пропольск (оно же Пропойск, ныне Славгород). Вскоре после рождения Артура (всё же тогда Наума) семья переехала в Одессу, где мальчика отдали в коммерческое училище, после которого в 1909 году он приехал в Санкт-Петербург, поступил в консерваторию (после коммерческого-то!), которую, впрочем, бросил незадолго до выпускных экзаменов «из-за неприятия принципов школы Н.А. Римского-Корсакова». Брал частные уроки у А.К. Глазуно-

¹ **Мила Тонбо** (псевдоним **Жигулёвой Людмилы Викторовны**) родилась в Гомельской области Белоруссии, литератор участник конкурсов «Серебряный голубь России». Живёт в Санкт-Петербурге.

ва (1865–1936). Учениками Глазунова были Сергей Прокофьев и Дмитрий Шостакович, известные миру своим музыкальным новаторством.

С 1912 по 1915 год Артур Лурье играл на рояле в кабаре «Бродячая собака», где собирался весь бомонд. Впрочем, некоторые исследователи считают, что он был музыкальным руководителем этого кафе-кабаре. Именно здесь Анна Ахматова (тогда Гумилёва) и Лурье встретились впервые в 1913. У обоих детство прошло в Одессе. Не это ли было ключом

Артур Лурье. Портрет кисти Л. Бруни. 1915 г.

к взаимному интересу? Ахматовой нравилось, с каким обожанием и почтением с ней разговаривал этот пылкий юноша. В 1914 году Лурье создаёт вокальный цикл «Чётки» на слова Ахматовой. Говорят, у них был даже недолгий стремительный роман, который потихоньку угас с началом Первой мировой.

Позднее у Артура Лурье появится новая обожаемая возлюбленная — Ольга Глебова-Судейкина, первая красавица Петербурга, актриса и танцовщица, которая, в свою очередь, была близко знакома с Ахматовой по «Бродячей собаке», талантливо расписанной мужем Ольги — Сергеем Судейкиным. Неслучайно вспоминаем этих двух дам рядом. Вместе с Артуром Лурье они составят треугольник, о котором долго стыдливо умалчивали исследователи творчества Анны Ахматовой, выражаясь неясными намёками. Подобные «союзы» известны у нас как «шведская семья», а за рубежом — как «шведский грех». Хотя сами шведы очень бы удивились такому определению. А всё Бергман! Однако шкурка банана, съеденного под водой, рано или поздно всплывает на поверхность. Так и личные архивы со временем перестали быть собственностью героев и наследников, одарив любопытствующих удивительными фактами: жизнь иногда театральна до одурения.

Вот пример. Конец 1919 г.; Анна Ахматова формально ещё была замужем вторым браком за Владимиром Шилейко, но пока ещё не переехала к Николаю Пунину, историку искусства, страстному апологету русского авангарда, ставшему официально признанным самой Ахматовой её «третьим супругом». Из литературы начала XX века известно: Анна Ахматова была дружна с Ольгой Глебовой-Судейкиной и даже некоторое время проживала в квартире последней в Петрограде. Анна была младше Ольги

на четыре года, что никогда не мешало ей чувствовать себя старше, опытнее и в чём-то «лучше» безусловно красивой и наивной Ольги-Оленьки. Уж в расчётливости и в уме Анне никто не отказывал. Странная и долгая дружба соединяла этих таких разных дам. Противоположности? Однако, оказывается, не всё так просто было — «жить у подруги».

Ольга Глебова-Судейкина с куклами

Ольга Глебова-Судейкина была женщиной хрупкой, артистичной, прекрасно танцевала, органично выступала на сценах российских театров начала XX века. У неё были огромные серые глаза, в глубине которых сияло «священное спокойствие». Всех восхищали её грациозное тело, безупречный вкус и другие таланты. Она танцевала на сцене полонез с самим Вацлавом Нижинским. На рубеже веков в богемной среде было принято «жить для искусства»: «весь мир — театр, и люди в нём — актёры». Вот и жизнь Ольги Глебовой стала настоящим представлением, увы, не с самым лучшим концом. Мир иллюзий мало кого доводит до доброго конца.

В 1906 она вышла замуж за Сергея Судейкина, художника дивного Серебряного века, обожавшего свою жену-куколку. Их супружеское счастье было не слишком долгим. Талантливый супруг изменял. И довольно часто, и довольно скандально. Ольга, разочаровавшись в семейной жизни, отдалась сцене, имела успех. К тому же она чудесно лепила кукол. Это умение создавать волшебные куклы поможет ей выжить в России и позже в парижской эмиграции.

В 1915 году Ольга после развода с Сергеем Судейкиным становится гражданской супругой Артура Лурье. Артур был горд: он видел Ольгу воплощением «рафинированного Петербурга», ему льстила связь с такой замечательно красивой женщиной. Этой прекрасной даме посвящали стихи и Блок, и Сологуб, и Северянин, и Хлебников, и Георгий Иванов. Так что новая пара была, пожалуй, счастлива и увлечена своими отношениями и их звёздным флёротом. Вдохновенный Артур Лурье творил самозабвенно. В 1915 году он продемонстрировал слушателям «Формы в воздухе». Произведение вызвало шок у искушённой публики: принципиальное избегание «тональных опор, деформация звуковысотных закономерностей» — всё это звучало непривычно, шокировало. Музыка эта вызывала у многих ассоциации с кубической живописью. Даже ноты автор свободно располагал на нотном листе, подобно

геометрическим фигурам: ему потребовались новые определения — «звукопятна», «брызги», «всплески». То есть свою революцию в музыке и нотной грамоте Артур Лурье провёл задолго до октябрьских перемен. Да, денди, ловелас, но не только!

Сегодня вклад Артура Лурье в нотацию «новой музыки» неоспорим. Он и композитор М.В. Матюшин признаны в мире как теоретики «четвертьтоновой музыки». Это потом будет музыка Шнитке, Губайдулиной, Пендерецкого. А тогда? Вообразить трудно. «Артур Лурье предложил свой “проект записи высшего хроматизма”, позволяющий не разрушать нотный стан и прежние гармонические концепции. Новый знак в виде цифры — “4” (quartiese) — повышает звук на 1/4 тона, “4” в перевёрнутом виде (quart» moll) — понижает звук на 1/4 тона. Метод нотации Лурье отличается сложностью. Но его изыскания оказали огромное влияние на последующее развитие как отечественного, так и зарубежного музыкального искусства», — отмечают музыкальные критики.

Вот вам и «эпатаж». Первое впечатление всё-таки не всегда обязательно верное?

* * *

А вот — удар колокола. Всё как в «новой музыке» без логики и порядка. В конце 1919 года, рассорившись с мужем Владимиром Шилейко, Анна Ахматова переезжает на Фонтанку 18 к Ольге Глебовой-Судейкиной и Артуру Лурье. Её любезно пригласила к себе пожить сердобольная Ольга, давая подруге временный приют.

По случайному совпадению сама Оленька в это время уехала на гастроли с театром в Вологду. Неосмотрительно как-то. После возвращения она находит в своём доме другую диспозицию. Подзабытые чувства старых знакомцев Лурье и Ахматовой разгорелись с новой силой. Тому «виной» была «Чакона» Баха, исполняемая Артуром по вечерам. Что делать? Ольга, Артур и Анна решают жить втроём. Высокие отношения или квартирный вопрос?

Этот странный «союз» длился около трёх лет, до 1922 года, вплоть до последующего отъезда «товарища Лурье» за границу. Артур Лурье написал в той квартире «на троих» первые романсы на стихи Ахматовой. Романсы эти исполняются по сей день.

Анна Андреевна, в свою очередь, посвящала Артуру Лурье стихи и даже запечатлела его образ в «Поэме без героя». «Там

Анна Ахматова
и Ольга Судейкина

всё про нас, про нашу жизнь втроём», — напишет она Лурье о поэме в конце своей жизни. Считается, что строки, написанные ею в 1941 году, также имеют прямое отношение к Артуру Лурье и периоду их сладкого «шведского греха»:

*И была жизнь во все колокола
И бешеная кровь меня к тебе вела
Суждённой всем, единственной дорогой.*

Именно притяжение имени Анны Ахматовой с большой вероятностью послужило тому, что имя Артура Лурье и его творчество стали изучаться в советское время, а потом в новой России. Имя музыканта окончательно вышло из забвения позднее. Этому в начале 1990-х способствовал выдающийся скрипач Гидон Кремер, сумевший привлечь внимание западной публики к 100-летию композитора. И музыка Артура Лурье вдруг зазвучала в лучших залах Петербурга, Кёльна и Бостона. Её исполняли Гидон Кремер, Валерий Гергиев и другие большие музыканты.

* * *

С победой Октябрьской революции композитор-футурист и почти «тапёр» (как некоторые считали) из «Бродячей собаки», Лурье неожиданно стремительно пошёл по карьерной лестнице вверх: стал комиссаром Наркомпроса по музыкальной части. Что-то национализировал, что-то открывал, закрывал, подписывал... Комиссарил, одним словом. По роду своей деятельности был дружен с Николаем Пуниным и довольно близок с Анатолием Луначарским. Позднее, в эмиграции, он будет всячески отрекаться от этого периода своей жизни и от связей с высокими постов комиссарами: типа, был я музыкантом — и точка, все контакты были служебными — и точка.

А что же было в действительности? Будучи комиссаром Наркомпроса, Артур Лурье беззастенчиво пропагандировал свою собственную музыку, организовывал её исполнение в лучших залах страны и с лучшими дирижёрами своего времени. По свидетельству современников музыку он тоже писал в служебное время в служебном же кабинете. Не стеснялся, одним словом. Себя любимого из комиссара хотел переименовать в «народного трибуна», свой музыкальный отдел назвал «Народной трибуной гражданской музыки».

Коллеги по музыкальному цеху возмущались этими обстоятельствами открыто. Говорят, жалобы дошли до самого Ленина. Всё-таки это были 1920-е, многие ещё верили в справедливость идеалов революции и ставили вопрос революционным ребром. Его

называли «ловким проходимцем», «формалистом», «космополитом», пробравшимся в руководство МУЗО, и даже дали прозвище Халтур Дубье. В конце концов Луначарский в январе 1921 года был вынужден уволить Лурье из МУЗО и перевести в научные сотрудники петроградского Института истории искусств. Атмосфера вокруг Артура Лурье накалялась не на шутку и там.

А что сам Лурье? Он пишет популярные брошюры, в которых утверждает, что из всех искусств главнейшим является музыка. Он вносит смелые новации в хоровое пение, что казалось многим неслыханной дерзостью: «половина хора поёт с закрытыми ртами, тянет одно и то же». Вообще-то это была попытка (ставшая впоследствии тенденцией) превращения хора в вокальный оркестр. Хоровая группа у него выступает как аккомпанемент к солирующей мелодии. Хор у него — оркестровое полотно со своими инструментами. Он идёт дальше своих современников, впервые упраздняя единство слоговой структуры слова. Реформа хорового искусства — это и его заслуга.

Артур Сергеевич видит себя композитором высшего класса и «всероссийской славы» ему было маловато. Он искренне считал себя призванным открыть новую эру в музыке. «Скрябин, Дебюсси, Равель, Прокофьев, Стравинский — уже пройденная ступень. Принципы свободной музыки (не ограниченной тонами и полутонами, а пользующейся четвертями, восьмыми и ещё меньшими долями тонов) получали в творчестве Лурье реальное воплощение», — писал исследователь футуризма Бенедикт Лившиц.

Справедливости ради, заметим, писал он музыку действительно новаторскую, особенно для своего времени. Он создаёт 12 хоров на поэму Блока «Двенадцать», звуковые плакаты (!) на стихи Маяковского, музыку к пьесе Велимира Хлебникова. Ему нравилось находить новое музыкальное воплощение тем равным звукам и ритмам, которыми была наполнена революционная страна. Он даже изобретает рояль с трёхцветной (тройной) клавиатурой. В смелости не откажешь!

Летом 1922 года Артур Сергеевич, имея тонкое политическое чутьё и житейскую сметку, уехал в хорошо спланированную «служебную командировку» в Берлин. Там, собственно, и остался. Больше он в комиссарскую Россию предусмотрительно не возвращался. Своих любимых женщин — Анну Ахматову и Ольгу Глебову-Судейкину — обещал вызвать к себе при первой же okazji. И не отрекался от них, надо признать. Правда, по приезде в Берлин он практически сразу сошёлся с общей «семейной знакомой»

Тамарой Персиц. Потом будет Париж, где он станет домашним секретарём Игоря Стравинского: писал о нём статьи, редактировал его музыкальные сочинения. Потом будут его многочисленные переезды по странам и континентам, и женщины его будут последовательно сменять друг друга. Так что «вдохновенный бабник», пожалуй, точное определение по отношению к этой богатой, сумбурной, футуристической и талантливой личности.

В 1924 году уехала за границу и Ольга Судейкина. Похоже, она всё же искренне была привязана к Артуру Сергеевичу. Или устала от жизни в большевистском Петрограде? Уехала с одним чемоданом, набитым куклами и фарфоровыми статуэтками, распродала в Петрограде всё своё имущество — концов не оставила. Говорят, в «наследство» к Анне Ахматовой перешёл её сундук, органично вписавшийся в коридор квартиры Пуниных в Фонтанном доме, на котором спал приехавший в Ленинград Лёвушка Гумилёв. Ольга отправилась в Берлин, якобы для организации собственной выставки. В выезде ей всячески содействовал прочно обосновавшийся на Западе Игорь Стравинский (по просьбе всё же Артура Лурье). Игорь Стравинский чувствовал себя обязанным г-ну Лурье, ибо тот в свой комиссарский период способствовал выезду из России матери Стравинского и вывозу личного архива композитора за рубеж. Как всё переплетено в этом мире!.. Особенно в русском мире.

«Ты ли, Путаница-Психея, / Чёрно-белым веером вея, / Наклоняешься надо мной...» — строки Ахматовой об Ольге Судейкиной (начало 1920-х).

Надо заметить, старые друзья, включая Артура Лурье, пытались помочь Ольге обустроиться в эмиграции. Она и там сохранила своё природное обаяние, изысканность манер. Она была безупречна в быту: даже чай разливала с какой-то чарующей элегантностью. Люди любили её. Внимательная к другим, она мало рассказывала о своих бедах, хотя душа её вряд ли знала покой. Последние годы в Париже жила довольно уединённо и бедно. Мужчины в её жизни почему-то не застревали. Скончалась в январе 1945 в Париже. Похоронена на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа. Её могилу с белым мраморным крестом можно найти у церкви Успения Богородицы. Мраморный крест был установлен на средства её первого мужа Сергея Судейкина и (опять же!) Артура Лурье, оставившего об Ольге свои воспоминания. Он назвал её Феей Кукол. Впрочем, мало кто интересовался его воспоминаниями.

Оленька... Единственная живая душа того странного треугольника.

*Ты в Россию пришла ниоткуда, / О моё белокурое чудо,
Коломбина десятых годов! / Что глядишь ты так смутно и зорко,
Петербургская кукла, актёрка. / Ты — один из моих двойников».*

Анна Ахматова «Поэма без героя»

А что же Ахматова? Ахматова осталась в России. Почему? Доподлинно неизвестно. Но слухи о некоем её «патриотизме» в этой части, скорее всего, сильно преувеличены. Думаю, не было у неё реальной возможности уехать. Известно, что «на руках» Ахматовой было 17 писем от Лурье (для надёжности он посылал письма Ахматовой через свою мать) с предложением приехать к нему то в Берлин, то в Париж. Интересно, как этот «беглец-комиссар» мог практически содействовать переезду своих женщин из Союза? Сомневаюсь, что его «предложением» можно было воспользоваться. Но жест хорош. И всё-таки господин Лурье перед отъездом предусмотрительно позаботился о своей возлюбленной Анне (в некоторых источниках она даже называется его «гражданской женой»). Лурье просит друга и товарища по службе и по прежней богемной жизни — Николая Пунину — не оставлять Анну в одиночестве. Так или иначе, но Анна Ахматова действительно вскоре переехала к комиссару по искусству Пунину в знакомый ей по браку с Шилейко Фонтанный дом. Переезд случился как раз в преддверии отъезда Лурье в «командировку». Нарочно не придумаешь. Люди одного круга и одного века.

Спустя 43 года Артур Лурье написал первое письмо Анне Ахматовой. К тому времени он жил в Америке, был вовсе не успешен, забыт. Прагматичная Америка не была в восторге от футуристов с сомнительной репутацией. В Америке уже были «свои» композиторы с русскими корнями. Жил он почти в забвении, был полон воспоминаний, сомнений и оправданий самому себе, любимому. Имя же Анны Ахматовой в 1960-х у всех было на слуху, и переписка с ней не была больше опасной для обоих, скорее даже престижной. Почему бы не вспомнить молодость?..

Умерли оба в один 1966 год, с разрывом в шесть месяцев. Что это было?.. Роман? Авантюра? Нет ответа.

И да. Я нашла и послушала раннюю музыку Артура Лурье. Нашла её весьма недурной: он действительно писал музыку будущего. Минимализм. Именно это направление получило широкую популярность в нашем современном мире. Музыка XXI века. Модный сегодня минимализм. В багаже А. Лурье теоретические музыкальные труды, 108 музыкальных произведений, включая его гордость — оперу «Арап Петра Великого». В конце концов в США он стал писать религиозную музыку в духе Монтеверди,

Габриэли и Палестрины. Гигантская его опера «Арап Петра Великого» сводит в одно целое всё многообразие апробированных им музыкально-драматургических стилей. В письме 1963 года Лурье написал Ахматовой, называя её «моя дорогая Аннушка»: «Моя “слава” тоже 20 лет лежит в канаве, т. е. с тех пор, как я приехал в эту страну. Вначале были моменты блестящего большого успеха, но здешние музыканты приняли все меры, чтобы я не мог утвердиться. Написал я громадную оперу “Арап Петра Великого” и посвятил её памяти алтарей и очагов. Это памятник русской культуре, русскому народу и русской истории. Вот уже два года, как я безуспешно стараюсь провести её на сцену. Здесь никому ничего не нужно, и путь для иностранцев закрыт.² Всё это ты предвидела уже 40 лет назад: “Полынью пахнет хлеб чужой”».

Ахматова в ответ послала в Нью-Йорк пластинку, чтобы композитор услышал, как она теперь читает стихи:

*Полно мне леденеть от страха, / Лучше кликну Чакону Баха,
А за ней войдёт человек... / Он не станет мне милым мужем,
Но мы с ним такое заслужим, / Что смутится Двадцатый Век.*

Вот парадокс: и сегодня разговор о судьбе композитора Артура Лурье часто оказывается вторичным по отношению к другим его ипостасям. Ирина Грэм, одна из последних возлюбленных неуважающего Лурье и его биограф по совместительству, не смогла удержаться, чтобы не заметить: «Конечно, А. С. был замечательным артистом, он писал дивную музыку, был блестящ, умён, остроумен, полон шарма... но в какие бы ангельские ризы я его ни наряжала, человек он был... странный. В нём, так много говорившем о человечности, о добре и зле, о борьбе между злом и добром, о страдании и т. д., отсутствовало, по-моему, понятие об элементарной морали. Может быть, в каком-то смысле А. С. был... аморален. Как можно пользоваться чувством женщины — такой, как я, — в личных интересах <...>?» (Письмо к Кралину от 14 ноября 1973 г.).

То есть ещё один треугольник? Не только Серебряный век, однако.

Санкт-Петербург

² В своих мемуарах Анатолий Найман сообщает, как Ахматова в конце жизни, «посмеиваясь, рассказала, что “Артур обратился с просьбой из Америки”: не может ли она, пользуясь своим положением, содействовать постановке в Советском Союзе его балета “Арап Петра Великого”. “Ничего умнее, чем балет о негре среди белых, он там сейчас придумать не мог”, — тогда было время расовых столкновений».